

ИСЛАМ В РОССИИ

УДК. 93/94

А.Ф. Поломошнов, Э.А.-О. Гурбанов, М.Я. Яхьяев

Ислам и поиски новой национальной идеологии на Северном Кавказе

Донской государственный аграрный университет, pafl@mail.ru; Дагестанский государственный университет, muchtar59@mail.ru

В статье исследуется проблема поисков эффективной национальной идеологии республиками Северного Кавказа в условиях кризиса социокультурной идентичности.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, национальная идеология, транзитивная идентичность.

The paper investigates the problem of finding an efficient national ideology in the republics of the North Caucasus at the situation of crisis of socio-cultural identity.

Keywords: socio-cultural identity, national ideology, transitive identity.

В результате российских реформ 90-х–2000-х годов республики Северного Кавказа находятся в транзитивном, то есть переходном состоянии, в котором старые советские социальные формы и институты социальной организации либо разрушены, либо качественно трансформированы, а новые либерально-рыночные либо еще не достигли оптимальной эффективности, либо еще не сформированы в соответствии с оптимальными западными образцами. В этом состоянии общества доминирующую роль играют социальные институты и организации транзитивного типа, в которых качественно новые социальные элементы проявляются часто в искаженном виде или в сочетании со старыми, неэффективными, традиционными элементами.

Во взаимодействии с системным социальным кризисом и разрушением прежней советской формы объективной социокультурной самобытности транзитивное состояние северокавказских обществ порождает идеологический кризис их социокультурной идентичности, то есть кризис национального самосознания. Каковы же основные его проявления?

Идеологический кризис социокультурной идентичности северокавказских обществ состоит в том, что на смену разрушенной советской форме национального самосознания пока не пришла новая эффективная форма национальной идеологии, в которой остро нуждается местное общество.

Транзитивная идентичность является временной, переходной формой, несовершенной компенсацией эффективной цельной идентичности. Ее основными проявлениями являются фрагментация идентичности (как на уровне национальной идеологии, так и на уровне личностного, индивидуального сознания); острая конкуренция альтернативных идеологий, в ходе которой нередко образуются и разрушаются, вследствие их нежизнеспособности, несовместимости и противоречивости, самые разные временные идеологические комбинации.

Рассмотрим вначале фрагментацию социокультурной идентичности. Для этого необходимо предварительно ввести ключевое методологическое понятие цельной идентичности. Цельная идентичность, по нашему мнению, предполагает, во-первых, полноту компонентов идентичности – гендерная и этническая демографическая, социально-экономическая, политико-правовая, духовная, культурно-историческая и геополитиче-

ская; во-вторых, качественную социально-историческую и культурную однородность этих компонентов; в-третьих, стройную структурированность, то есть эффективное взаимное опосредование этих компонентов. Фрагментированная идентичность характеризуется неполнотой набора ее компонентов, а также качественной социокультурной разнородностью компонентов, образующих в итоге не целостную систему, а неэффективное их сочетание.

Итак, рассмотрим идеологический кризис идентичности на Северном Кавказе, сложившийся в результате и процессе реформ 90-х–2000-х годов. После крушения социалистической идеологии здесь не появилась новая эффективная национальная идеология, а возникла ситуация идеологического вакуума и аморфности, сложилась мультикультурная среда, начались процессы конкуренции альтернативных идеологических систем, претендующих на роль национальной идеологии.

На уровне массового сознания мы видим в северокавказских обществах стихийную самоидентификацию (различающуюся у разных социальных групп). На уровне государственной или национальной идеологии, определяемой властями и затем официально внедряемой через институты идеологической обработки населения, мы видим колебания, неопределенность, поиск эффективной идеологии и попытки использовать утилитарные не очень эффективные временные идеологии.

Фактически сегодня северокавказские общества в лице их интеллектуальной и политической элиты находятся в поиске современного национального самосознания, которое позволило бы консолидировать местные общества и обеспечить их эффективную интеграцию в российскую цивилизацию в условиях модернизирующейся рыночной экономической и социально-политической системы.

Альтернативные версии национальной идеологии, сложившиеся сегодня на Северном Кавказе, можно разделить на три основные группы: 1) религиозные (исламские), которые выстраиваются в парадигме религиозной культуры; 2) этнический этатизм; 3) светские гуманистические версии.

Вначале рассмотрим религиозные исламские версии национальной социокультурной идентичности республик Северного Кавказа. Маргинальная в советское время исламская идеология в постсоветский период стала трансформироваться, приспосабливаясь к роли национальной идеологии в контексте реформ и строительства новых местных северокавказских государственных образований. Правда, ислам в качестве национальной идеологии в республиках Северного Кавказа еще не получил официального статуса, но его позиции постоянно усиливаются.

Превращение ислама в государственную национальную идеологию в республиках Северного Кавказа существенно сдерживается расколом местного ислама на два основных направления: традиционалистский ислам и фундаменталистский ислам (ваххабизм, салафизм).

Традиционный ислам оказался в условиях реформ идеологией, наиболее адаптированной к местным условиям, что обеспечило его растущее влияние в широких слоях населения и поддержку со стороны правящих северокавказских элит. Традиционный ислам предлагает идеологическую программу, которая освящает фактически сложившиеся социально-экономические и политические системы в республиках Северного Кавказа. Прежде всего, для него характерен момент акцентуации этничности. «Нельзя отрицать тот очевидный факт, что ислам и национализм на Кавказе, как, впрочем, и во всем остальном мусульманском мире, взаимодополняют и подпитывают друг друга... Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих кавказских народов, их культуры, истории, образа жизни. Зачас-

тую весьма трудно провести четкую грань между религиозными и национальными сторонами их жизни» [1, с. 282]. Традиционный ислам на Северном Кавказе неразделимо сросся с местной этничностью. В результате ислам выступает именно как форма сохранения этничности, и в то же время сам ислам носит ярко выраженную этническую окраску.

В плане социальной ориентации традиционный ислам принимает сложившийся в республиках Северного Кавказа социально-экономический порядок и разделение собственности. В плане политической ориентации традиционный ислам поддерживает правящие элиты и сложившуюся политическую систему. В плане духовной ориентации традиционный ислам претендует на роль официальной государственной идеологии в республиках Северного Кавказа и доминирование в педагогической, образовательной и культурной системах этих обществ.

Крайне важным конструктивным моментом традиционного ислама является его установка на социокультурную автономию и плюрализм местных культур под общим патронажем ислама, а также на мирное сосуществование различных этносов и в особенности религиозных конфессий и течений внутри самого традиционного ислама. Традиционный ислам выступает также за дружественные, мирные отношения между русскими и местными народами. В геополитическом плане традиционный ислам сохраняет ориентацию на интеграцию республик Северного Кавказа в российскую цивилизацию, но на условиях значительно более широкой, чем в советский период, социокультурной и политической автономии. Таким образом, в целом традиционный ислам выступает формой охранительной, стабилизирующей идеологии.

Институты традиционного ислама на Северном Кавказе поддерживают центральную власть России, стабилизируют внутреннюю политическую ситуацию в республиках. Однако традиционный ислам пока не завоевал идеологического господства на Северном Кавказе. Кроме того, традиционный ислам как претендент на национальную идеологию северокавказских обществ имеет и слабые места. Как это ни покажется парадоксальным, традиционный ислам, стремясь реализовать свои претензии на ведущую идеологию северокавказских обществ, обнаруживает не только стабилизирующий, но и дестабилизирующий потенциал.

Исследователи отмечают, что попытки традиционного ислама занять место господствующей государственной идеологии ведут к неприемлемой «идеологизации» ислама и исламизации общества. «В последние десятилетия традиционный ислам в регионе в процессе противостояния и борьбы с радикальными проявлениями ислама (салафизмом, ваххабизмом) оказался сильно политизированным. Такая чрезмерная политизированность ислама уже привела в некоторых северокавказских республиках (Чечне, Ингушетии) к исламизации отдельных сфер общественной и личной жизни» [6, с. 152].

По мере усиления позиций традиционного ислама обнаруживается, что оно ведет не к снижению, а к усилению конфликтогенности и напряженности в северокавказских обществах. «При количественном росте числа мечетей, религиозных организаций, увеличении числа совершающих религиозные обряды, когда в обществе велась пропаганда религиозных ценностей, распространялись литература и знания, ислам все же не стал консолидирующим фактором для верующих, усилились разногласия как среди мусульманского духовенства, так и среди рядовых верующих. К расколу по национальному признаку в последнее время прибавился и раскол верующих на разные течения, приведший в ряде случаев к массовому противостоянию и кровопролитию.

Имели место противоречия между духовенством, исламскими политическими партиями и обществом в целом. Сложилась ситуация, когда общество и государство при-

держивались светского устройства, а духовенство и исламские партии выступали за создание в регионе исламской республики» [6, с. 155–156].

Самой серьезной идеологической альтернативой традиционному исламу на Северном Кавказе выступает исламский фундаментализм. На Северном Кавказе этот фундаментализм принял форму салафитского течения – ваххабизма. Первоначально принесенный в регион в 90-е годы XX века религиозными арабскими миссионерами извне, ваххабизм на благоприятной почве социального кризиса и геополитической нестабильности завоевал немалую популярность среди части местного населения. «Главными противниками традиционалистов в республиках Северного Кавказа выступили фундаменталисты (салафиты, ваххабиты), идеалом которых является возврат к и реалиям «золотого века» ислама..., шариатизация общественной жизни и воссоздание теократического государственного образования в форме Халифата, так называемый «Имарат Кавказ»» [6, с. 156].

Принципиальное отличие салафизма от местного традиционного ислама состоит в отношении к местным этнокультурным особенностям и вообще к этничности как особенности религиозного сознания. Если традиционный ислам характеризуется акцентуацией именно местных этнокультурных черт и их синкретизмом с исламской догматикой и обрядностью, то салафиты выступают за очищение истинного ислама от этих моментов, возвращение к первоначальному, чистому от этнокультурных спецификаций и наслоений исламу, в котором приравниваются этничность и этнокультурные различия, а акцент делается на этническую нейтральность и универсальность, безнациональность ислама.

В плане социальной ориентации ваххабизм также в духе салафизма стремится опереться на эгалитаристские социальные идеалы раннего ислама, чем привлекает множество сторонников среди малоимущих слоев населения, в то время как традиционный ислам обычно защищает сложившуюся социальную поляризацию местного общества.

В политической ориентации ваххабизм характеризуется стремлением построить клерикальное государство, в котором именно политическая власть была бы объединена с религиозной властью в руках мусульманских авторитетов. В культурной сфере ваххабизм ориентирован на полное доминирование исламской религии и культуры и над светской культурой, и над местной этнической культурой во всех областях духовной жизни, и прежде всего, в образовании, воспитании и искусстве. Ваххабизм крайне агрессивно настроен по отношению к иноверцам, к которым причисляют и русское население Северного Кавказа. Наконец, ваххабизм геополитически ориентирован на создание объединенного исламского фундаменталистского клерикального государства на Северном Кавказе, полностью независимого от России и направленного в своей политике на исламские государства Ближнего и Среднего Востока, некоего Кавказского Имамата.

Является ли идеология исламского фундаментализма удовлетворительной альтернативой традиционному исламу на Северном Кавказе? Очевидно, что нет, поскольку она не предлагает никаких удовлетворительных решений острых социально-экономических и политических проблем, а лишь усиливает напряженность и конфликтность в северокавказских обществах. Она также практически несовместима с фундаментальным для северокавказских обществ элементом этнического и культурного своеобразия, самобытности, который всегда будет самым серьезным препятствием для их исламской интеграции в единое социально-политическое образование. Нет необходимости говорить также об экстремистской, деструктивной сущности методов и

способов реализации фундаменталистских идеалов, предлагаемых ваххабитами и неприемлимыми для северокавказского общества.

Итак, спланирует ли ислам Северный Кавказ? Сегодня мы можем дать скорее отрицательный ответ. Он лишь формально объединяет Северный Кавказ, внешне обрамляет этнический плюрализм Северного Кавказа. Сегодня существует явное несоответствие между возрастающей ролью ислама на Северном Кавказе и его очень слабой интеграционной функцией в отношении северокавказского общества. «Роль ислама в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа с каждым годом усиливается... Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что ислам не стал консолидирующим фактором для северокавказцев, среди которых по-прежнему преобладающим является фактор этнической и общинной принадлежности» [4].

Теперь рассмотрим светские альтернативы исламу в качестве доминирующей национальной идеологии северокавказских обществ. В республиках Северного Кавказа местные политические элиты для укрепления сложившейся социальной системы и усиления своей автономии от российского центра сделали ставку на политизацию и идеологизацию этничности, этнокультурной и политической самобытности. Эта идеологическая система получила название «этнический этатизм». На прагматические политические корни этнического этатизма указывает Гаджиев К.С.: «В основе устремлений к национальному самоопределению или национальной независимости во многом лежали мотивы власти и статуса, политики и идеологии. Зачастую идеи права наций на самоопределение использовались теми или иными политиками или представителями национальных движений для оправдания и отстаивания своекорыстных, партикулярных интересов» [1, с. 259].

Этнический этатизм характеризуется некоторой идеологической маскировкой утилитарных политических интересов местных властных элит идеями социокультурного возрождения и расцвета местной этнической самобытности. Этнический этатизм фактически оказался формой политизации и идеологизации этничности. Он в условиях полиэтничности многих республик Северного Кавказа привел не к их консолидации, а, напротив, к проблематическому разделению и конфликтности на почве столкновения этничностей. Этнический этатизм проблематичен в биэтнических и тем более полиэтничных республиках. «Проект создания этнократического государства предусматривает, что несогласные группы должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться ассимиляции или устранению. Культурная идентичность, вымышленная или реальная, становится из факта “принадлежности” к культурной общности сильным политическим аргументом, который обосновывает политику разных возможностей» [2].

Этнический этатизм оказался вариантом фрагментарной идентичности, обслуживающей интересы местных политических и экономических элит, эрзац-идеологией, в которой тенденциозно интерпретированная этничность неправомерно превращена в основу и компенсацию всех остальных элементов идентичности. В этническом этатизме идея этнической самобытности и независимости абсолютизируется до абсурда и выступает неудовлетворительной компенсацией практического отсутствия четко выраженных социальных, экономических, политических и духовных ориентаций. Он откровенно обслуживает интересы правящих кланов, охраняя сложившееся распределение власти и собственности, социальную дифференциацию общества, но в условиях кризиса он никого не удовлетворяет, и особенно нищий народ. Это временный и хрупкий компромисс, не несущий в себе конструктивного потенциала. Опираясь на исторический опыт, Гаджиев К.С. отмечает тупиковость этнического этатизма: «В современном мире национализм как государствообразующая сила, особенно в многонациональных странах,

представляет собой тупиковый путь со множеством тяжелых последствий. В этой ситуации абсолютно безосновательно строить государство вокруг одной национальности, замкнуть государственность на моноэтнической основе» [1, с. 261].

Ввиду своей откровенно апологетической сущности по отношению к правящим элитам, этнический этатизм в принципе оказался неспособен завоевать ни массовое сознание народов Северного Кавказа, ни сознание его интеллигенции.

Неудовлетворенная исламскими альтернативами и этническим этатизмом, понимающая их ограниченность, часть интеллигенции республик Северного Кавказа пытается выработать некую эффективную гуманитарную национальную идеологию, способную обеспечить, во-первых, эффективную социокультурную идентификацию населения республик, во-вторых, эффективную социокультурную интеграцию местных этносов в рамках сложившихся государственных образований, а также интеграцию северокавказских обществ в российскую цивилизацию.

Современная социогуманистическая мысль еще далека от окончательного решения проблемы теоретической формулировки современной эффективной системы цельной идентичности российского общества, однако, ряд важных шагов в этом направлении уже сделан. Прежде всего здесь стоит отметить формирование концептуального подхода, разделяющего уровни и формы идентичности и намечающего идею выстраивания гармоничной, конструктивной, многоуровневой и разнокачественной идентичности как позитивного единства многообразия идентичностей, снимающего их конфликтность, но не уничтожающего их разнообразие, путем выстраивания эффективной их иерархии.

Во-вторых, следует, по нашему мнению, согласиться с принципами, на основе которых должна быть выстроена эффективная цельная модель современной культурной идентичности народов и республик Северного Кавказа, сформулированная в частности Шадже А.Ю.: «Для укрепления российской национальной идентичности необходимо решение следующих задач. Во-первых, определение общих (объединяющих) для всего российского общества начал, которые были бы близки и принимались представителями всех российских этносов и конфессий... Во-вторых, поиск объединяющей основы (платформы) сосуществования и взаимодействия разных видов идентичностей, в частности этнокультурной, региональной, конфессиональной и российской национальной идентичностей» [7, с. 6–7].

Интегрирующим ядром цельной российской идентичности многие исследователи видят общероссийскую гражданскую политическую идентичность. «Представляется перспективным новый тип идентификационной модели, предлагаемый Астафьевой О.Н., – “Этнонационально-культурная идентичность”, где ядром стала бы гражданская, национальная идентичность, не отрицающая многообразия этнокультурных идентичностей и иных коллективных идентичностей» [7, с. 9].

В этом же направлении мыслит и Магомедов А., предлагающий в частности идентификационную модель «мы – дагестанский народ». Суть ее состоит в предлагаемой автором тройственной идентификации: «Дагестанцы давным-давно восприняли идеологию идентификационной триады, в соответствии с которой ощущают себя одновременно и представителями определенного дагестанского этноса, и дагестанцами, и россиянами» [5, с. 88–89]. По мнению А. Магомедова, термин «дагестанский народ» характеризует надэтническую гражданско-политическую общность дагестанских этносов, интегрированную в Российское государство. В то же время он считает, что эта надэтническая идентичность не отрицает и не уничтожает этнической идентичности. «Коллективная, гражданская идентичность – это более широкая и универсальная идентичность, не перекрывающаяся этнической. Наличие многосоставного дагестанского наро-

да не угрожает, не перекрывает и не совпадает с этнической идентичностью, а также признает за гражданами свободу сохранять и поддерживать свое культурное наследие» [5, с. 92].

Идею многоуровневой идентичности по-своему прорабатывает Куква Е.С.: «Структура такой идентичности выражена несколькими уровнями: этническим, региональным, национальным, цивилизационным и др. Концепция отстаивает их возможность взаимно дополнять друг друга, сосуществовать, иметь в разной степени актуализированными те или иные уровни в зависимости от социального контекста. Благодаря своей открытости структура многоуровневой идентичности способна «дробиться» на подуровни, приращивать новыми уровнями, а также «открываться» для новых видов идентичности по горизонтали. При этом открытость действует по принципу полилога, выстраивая взаимодействия как внутри системы – между уровнями, так и с другими системами, внешними по отношению к изучаемой. Так, границы между уровнями то устанавливаются, то стираются» [3, с. 111].

По нашему мнению, концепт многоуровневой идентичности содержит в себе определенный конструктивный потенциал, но выход из идеологического кризиса идентичности современного российского общества, и в особенности, республик Северного Кавказа, может быть основан на более адекватном концепте: цельной идентичности.

Многоуровневая идентичность образует некий иерархический, временный и хрупкий компромисс имеющихся не вполне совместимых потенциально и актуально конфликтных форм идентичности. Мечтать о достижении их сколько-нибудь прочного и устойчивого единства было бы утопией.

Главным слабым местом немногочисленных предлагаемых версий интегративной, цельной, многоуровневой и многокомпонентной идентичности является, по-нашему мнению, слабая проработка или полное отсутствие ключевого элемента идентичности – социальной ориентации. В этом плане мы можем предложить формирование цельной идентичности на основе именно социальной ориентации, которая бы выражала такой социальный идеал, который мог обеспечить выражение интересов и консолидацию разных социальных и этнических групп, а также политических образований. Нам кажется, что этот социальный идеал должен в конструктивной форме выражать принципы социального равенства и социальной справедливости, на основе которых и возможна самая эффективная этническая, социальная, политическая интеграция, которая и должна быть важнейшим результатом цельной идентичности.

Ни одна из рассмотренных нами версий, претендующих на роль национальной идеологии, формирующей современную эффективную идентичность северокавказских обществ, как нам кажется, не является вполне удовлетворительной. Данная ситуация закономерна для транзитивного общества, находящегося в состоянии системного кризиса. Транзитивная идентичность в таком обществе является неизбежно противоречивой, плюрализованной, фрагментированной идентичностью.

Идеологический кризис в северокавказском обществе тесно связан с системным социальным кризисом. Массовая нищета и безработица, отчуждение власти от народа, дисгармония отношений российского центра и республик Северного Кавказа делают проблематичной идентификацию этих республик и на уровне национальной идеологии, и на уровне массового сознания, и на личностном уровне. Имеющиеся формы идентичности носят дискретный, фрагментированный характер. Это эрзац-идентичность. «Анализ идентификационных процессов, имеющих место на полиэтничном Северном Кавказе, опирается на констатацию “предельной выраженности” этнического и конфессионального разнообразия у населения региона. Конфигурация групповой и индивидуальной иден-

тичности, а равно и идентификационные процессы выглядят как множественные, многоуровневые, эклектичные, фрагментирующиеся на всех уровнях» [3, с. 110].

Внутреннюю консолидацию и интеграцию социальной системы и населения северокавказских обществ и их эффективную интеграцию в российскую цивилизацию эта форма стихийной идентификации и фрагментарной идентичности обеспечить не может.

Общая ситуация напоминает некий тупик: системный социокультурный, социально-экономический, духовный, политико-правовой кризис северокавказских обществ определяет и порождает кризис идентичности этих обществ и их национальной идеологии и на макро, и на микроуровне. С другой стороны эффективная национальная идеология – предпосылка выхода из кризиса. Получается некий замкнутый круг, который можно разорвать, если местная духовная элита сформулирует эффективную национальную идеологию и на ее базе – программу вывода общества из кризиса. А пока идеологический плюрализм затрудняет национальную консолидацию и идентификацию.

Каковы же условия и предпосылки решения проблемы современной эффективной социокультурной идентичности Северного Кавказа?

Во-первых, необходимо понимание сущности и истоков современного кризиса идентичности и необходимости поиска новой идентичности. И такое понимание, безусловно, существует и у местной политической элиты, и у интеллигенции.

Во-вторых, следует четко прояснить требования или критерии к искомой эффективной форме национальной идеологии. Эффективная версия национальной идеологии должна учитывать состояние массового сознания, а также эффективно реализовывать национальные интересы и функции консолидации населения. Сегодня главное для России и Северного Кавказа как специфического культурного региона – найти такую форму культурной идентичности, которая обеспечила бы стабильность Северного Кавказа и органическую интеграцию его в российскую цивилизацию во всех планах: социально-экономическом, политическом, духовном. Причем при этой интеграции Северный Кавказ не должен утратить свою этнокультурную самобытность, но не должен и абсолютизировать ее до цивилизационного сепаратизма.

В-третьих, искомая национальная идеология должна быть цельной, в то время как имеющимся сегодня конкурирующим идеологическим системам присуща компенсационная и фрагментированная идентичность, при которой ее отдельные элементы разнокачественны и не согласованы друг с другом, либо один элемент неэффективно замещает функции другого.

В-четвертых, в поисках эффективной национальной идеологии следует определиться с самой процедурой. Какие действия и шаги должна предпринять элита местных обществ в решении этой задачи? Одним из важнейших действий здесь является, по нашему мнению, конструктивный разговор интеллигенции, власти и народа, направленный на поиск и установление социального и идеологического консенсуса на основе компромиссов и интеграции интересов всех социальных групп северокавказских обществ, а также северокавказских республик и российского центра.

Если говорить собственно о процессе выработки эффективной национальной идеологии, то, очевидно, он включает в себя следующие этапы: 1) теоретический анализ проблемы, который предполагает выработку альтернативных концепций и полемику между ними; 2) общественное обсуждение предложенных альтернативных концепций социокультурной идентичности Северного Кавказа; 3) осуществление выбора определенной концепции; 4) внедрение принятой концепции в массовое сознание и перестройка политики местной власти в соответствии с этой концепцией.

На каждом из этапов решения этих задач существует множество внутренних и внешних проблем, затруднений и противоречий. Это касается и самого содержания социокультурного самосознания Северного Кавказа, и технических процедур его теоре-

тического исследования, и научной полемики, общественного обсуждения, принятия и внедрения в общественное сознание.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России. – М.: Логос, 2010.
2. *Дегтярев А.* Выбор из двух зол. URL: <http://evrazia.org/print.php?id=1348> (дата обращения: 12.03.2011).
3. *Куква Е.С.* Многоуровневая идентичность на Северном Кавказе: попытка применения синергетической методологии // Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / под ред. А.Ю. Шадже. – М.: Российское философское общество. – Майкоп: Магарин О.Г., 2011.
4. *Курайши Д.А.* Исламский фактор в политических процессах республик Северного Кавказа / URL: polit.msu.ru/pub/asp_doc/Diss_sovet/Kurajshi_autoref.doc (дата обращения: 8.05.2012).
5. *Магомедов А.* Формирование национально-государственной идентичности дагестанцев-россиян в современных условиях // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы: сб. ст. / под ред. М.К. Горшкова, А.Н.-З. Дибирова. – М. – Махачкала: Лотос, 2011.
6. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / под ред. М.Я. Яхьяева. – М.: Парнас, 2011.
7. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / под ред. А.Ю. Шадже. – Майкоп: Магарин О.Г., 2011.

Поступила в редакцию 19 октября 2013 г.